

18+

Рустем Шарафисламов

Не Правильные люди

Рустем Шарафисламов

НеПравильные люди

«Издательские решения»

Шарафисламов Р. Р.

НеПравильные люди / Р. Р. Шарафисламов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988465-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Они были самыми обычными людьми. Как и все ходили на работу или учебу, служили в армии, влюблялись, заводили щенков или котят. И на первый взгляд ничем особенным не отличались от общей массы миллионов людей. Мы приветливо здоровались с ними при встрече, ездили с ними на одном общественном транспорте, делили один кабинет в офисе. Они были такими же, как и все. Такими же, как и мы. Ровно до той поры, пока не пришёл случай...

ISBN 978-5-44-988465-7

© Шарафисламов Р. Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Особая примета	7
Варяг	10
Похороны	12
Веский аргумент	14
В унисон	16
За воротами	18
Две женщины	19
Гороскоп	20
Любовь с первого взгляда	23
9 мая	24
Цветок	26
Нумае	28
Аут	30
Тот самый день	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

НеПравильные люди

Рустем Римович Шарафисламов

Редактор Наталия Станиславовна Залевская

© Рустем Римович Шарафисламов, 2020

ISBN 978-5-4498-8465-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Они были самыми обычными людьми. Как и все ходили на работу или учебу, служили в армии, влюблялись, заводили щенков или котят. И на первый взгляд, ничем особенным не отличались от общей массы миллионов людей. Мы приветливо здоровались с ними при встрече, ездили с ними на одном общественном транспорте, делили один кабинет в офисе.

Они были такими же, как и все. Такими же, как и мы. Ровно до той поры, пока не пришёл случай...

И нам неожиданно представилась возможность увидеть мир совсем с другой стороны. Их поступок, на первый взгляд, выглядел не совсем привычным в нашем понимании и уж точно совсем не таким, как мы сами могли бы поступить в таких случаях.

Ещё недавно мы были уверены, что хорошо знаем жизнь, и нам казалось, что на все вопросы уже есть однозначные, прямолинейные и единственно верные ответы и решения.

Действия этих людей поначалу показались нам неправильными. Нерациональными.

Но поразмыслив немного, где-то в глубине души мы вдруг осознали, что, возможно, это и было правильным решением. Причем, как оказалось в итоге, единственно правильным...

Это заставило нас задуматься о главном. Пересмотреть взгляды на жизнь, переосмыслить многое из того, что стало нашим устоем – о любви, о людях, о смысле пребывания человека на Земле. Прежде всего о нас самих.

За каждым поступком мы неожиданно для себя открыли любовь в самом лучшем её, жертвенном проявлении. Любовь, ради которой сдвинулись горы, которая показала, что истинно правильно и неправильно. Жизнь в очередной раз преподала нам урок и открыла новые грани человечности, показывая, во имя чего следует жить...

Рустем Шарафисламов

Особая примета

Он оглянулся. На стуле сидела невероятно красивая, совсем молоденькая девушка с косичками, почти его ровесница.

Она сидела, закинув ногу на ногу и беззаботно качала восхительно красивой ножкой, слегка приподнимавшей край ее длинного платья.

Весь её вид был соблазнительно трогателен и вместе с тем неожиданно чист.

Панама с загнутыми полями, белое платье и такие же белые парусиновые туфли, носочки с невероятными рюшечками произвели на него ошеломляющее впечатление. Притом, девушка смотрела на него с любопытством и улыбкой. Он смутился от её взгляда, поперхнулся и захотел быстро уйти, но книги, которые нёс стопкой в руках, прижимая подбородком, предательски выскользнули и полетели вниз. Он попытался ловить их на лету, но ничего не получилось, а сделалось только хуже. Они, кувыряясь, с шумом разлетелись по всему полу.

Девушка весело засмеялась. Смех её был нежным, как колокольчик и совсем незлобивым. Он, смущаясь, смешно развел руками. И девушка засмеялась ещё звонче.

Неожиданно ему тоже сделалось смешно. Он представил, как, наверное, неуклюже выглядел, когда размахивал руками и дрыгал ногами, ловя книги.

Он нагнулся, чтобы собрать их с пола. Девушка быстро встала со своего места, чтобы помочь молодому человеку. Их глаза встретились.

– Володя! – с серьезным видом протянул руку.

– Алевтина! Можно просто Аля! – девушка доверчиво положила ему в ладонь свою маленькую ручку и опять улыбнулась.

– Я к подруге на минуту заскочила! Она здесь библиотекарем работает! – по-детски наивно смотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами.

– А тут вдруг вы! Как начали прыгать за своими книжками! – она опять засмеялась колокольчиком, прикрывая красивыми пальчиками ослепительные белые зубы.

– Ветевар-ветевар! Вы извините меня! Было очень смешно!

– Что это – «ветевар- ветевар»? – переспросил он.

Она опять засмеялась.

– Ой, я так называла ветер, когда совсем маленькая была! – махнула она ручкой.

Он смотрел на неё, слушал, как она разговаривает с ним и смеется, и вдруг неожиданно для себя понял, что влюбился. Сразу и бесповоротно. Вот так просто, между делом, неся книги и готовясь к экзамену, в огромной и, между тем, абсолютно пустой библиотеке. Влюбился в эту белую панамку, в пальчики с аккуратными ноготками, в косички, в её звонкий и чистый смех, в синие улыбающиеся глаза. Даже в это непонятное ему новое слово «Ветевар».

Она так и называла его всю жизнь – Ветевар.

Когда провожала на фронт, и когда потом писала ему трогательные письма, сложенные в треугольник. Каждое из них неизменно начиналось с этого слова.

Он и был как ветер. Ему вечно не хватало времени в сутках. Все его движения были резкими и порывистыми. Он торопился жить. Хватался за все сразу, как тогда в библиотеке, – по несколько книг сразу, сколько возможно унести... Иногда, сметая всё на своём пути.

Учился, словно одержимый. Потом война, после опять учеба. Затем аспирантура. Кандидатская, докторская. Командировки, конференции, книги. Между ними рождение детей. Получение квартиры, потом другой. Затем участок земли и опять стройка. Все называли его Владимиром Архиповичем.

Она, успокаивая его, как тогда в библиотеке, гладила нежно по сидящим волосам и, улыбаясь, ласково называла Ветевар- ветевар... Все также помогая ему собирать его дела в кучу – книги, портфели, чемоданы, строителей, галстуки.

А потом её не стало.

Его ещё целый год несло по инерции, как большой корабль. Он куда-то ездил в далёкие страны, учил, читал лекции. Оттягивая приезд домой, не веря в случившееся. Дети выросли и разлетелись. В большой одинокой квартире, в центре Москвы, стало пусто, неудобно и холодно.

Когда до него дошло, Владимир Архипович вдруг неожиданно занемог, и жизнь его внезапно остановилась. Всё рассыпалось. Ничего невозможно было собрать воедино. Разум ещё бежал по привычке, но душа затихала. Впервые он потерял смысл жить.

Однажды, не раздеваясь, Владимир Архипович лег в кровать, свернувшись калачиком, и по-стариковски подогнув ноги. Одиноко полежал, упершись взглядом в стену, рассматривая узор на обоях.

Осознание бесполезности и одиночества принесли ему большую усталость. Ему вдруг ничего больше не захотелось. Абсолютно ничего. Он уснул и больше уже не проснулся.

А когда проснулся и открыл глаза, ощутил себя в невесомости.

Вокруг летали серые тени. Много теней. Целый сонм. Он огляделся и с удивлением обнаружил себя точно таким же.

Безликим, серым фантомом.

До него дошло, что он в другом измерении. И совсем в другом мире. И совсем в другом теле.

Сердце по-прежнему ныло. Не болело, нет. Оно уже не могло биться или остановиться. Но он его чувствовал. Теперь оно было большое. С него самого. Казалось, он сам теперь и есть это большое, ноющее сердце.

До него неожиданно дошло, чего ему не хватает. Владимир Архипович поднялся и стремительно полетел меж серых фантомов. Пролетая, он заглядывал каждому в душу.

Те охотно отзывались, открываясь ему. Но приглядевшись поближе, Владимир Архипович отшатывался и стремительно улетал дальше. Всё было не его, чужое.

Через какое-то время, или пространство, душа его совсем измаялась. Он сел и безнадежно уставился взглядом вниз, в бесконечную пропасть.

К нему подлетели два ангела, в белых, до пят балахонах.

– С вами всё в порядке? – тронул его за плечо один из них.

Владимир Архипович поднял голову, посмотрел и опять безнадежно опустил её.

– Что случилось? – так же любезно поинтересовался другой.

– Я не могу найти.., – выдавил он обреченно.

– Вторую половину? Для целостности? – ангелы переглянулись.

– Не знаю... Наверное... Если такое бывает.., – опять грустно произнёс Владимир Архипович.

– Бывает! – радостно отозвались ангелы.

– Вам только нужно особую приметку найти. Это как пароль!

Или ключ!

– Особую приметку?! – поднял резко он голову и задумался. Душа лихорадочно стала вспоминать жизненные перипетии. Вот она провожает его на фронт... треугольники писем... вот, встречает на вокзале... вот, кормит старшего грудью... вот, помогает ему писать диссертацию...

– У неё голубые глаза! Она звонко смеётся, как колокольчик! – радостно сообщил он, и с надеждой посмотрел на них.

Ангелы опять переглянулись меж собой.

– Здесь, в Чистилище, не один секстиллион с голубыми глазами и звонким смехом!

Владимир Архипович запаниковал. Душа его затрепетала. Ему стало страшно и неловко от того, что он не мог вспомнить чего-то особенного в человеке, которого так сильно любил и с которым прожил долгую жизнь.

Осознание беспомощности и безнадежности сдавило душу, и он беззвучно заплакал.

Ангелы продолжали стоять рядом.

Неожиданно мимо них, на большей скорости, пролетел сумасшедший фантом, обдав их ветром. Края полы балахона одного из ангелов поднялись и затрепетали от сквозняка.

Владимир Архипович посмотрел на развевающиеся концы подола и тихо сказал:

– Ветевар-ветевар...

Ангелы вопросительно уставились на него.

– Ну конечно, ветевар- ветевар! – уже более уверенно произнес он и поднял голову.

Владимир Архипович встал со своего места, расправил плечи, и что есть мочи крикнул во Вселенную.

– Ветева-а-ар-ветева-а-ар!

Где-то далеко, одинокий и почти прозрачный от печали, фантом встрепенулся, и замер в напряжении. Через секунду он уже мчался со скоростью света туда, откуда отчётливо слышался зов. Навстречу ему также стремительно летела душа Владимира Архиповича.

– Ветевар – ветевар! – веселым колокольчиком зазвенел её смех. Светлые косички задрожали. Она прикрыла белоснежные зубы прозрачными пальчиками.

На него, как когда-то давно, в той жизни, смотрели смеющиеся голубые глаза.

Он нежно поправил её белый беретик.

С Земли было видно, как высоко в небе ярко вспыхнула звездочка. Две души слились воедино и стали одною...

Варяг

Он долго стоял у окна. Спешить было некуда. Смотрел на давно знакомую улицу и представлял, как тут будет летом красиво.

– Да. Летом будет красиво. И удобно.

«Хорошо, что посудомойку купил. Удобная вещь. Сунул посуду и через время все готово. Варя довольна...»

Совсем недавно он купил дочери посудомоечную машину и очень рад был этой своей покупке. Дочь с довольным лицом забивала ее до отказа и демонстрировала возможности. Все были счастливы.

Он отошёл от окна, сел на диван и тяжело вздохнув, начал набирать номер телефона. Через секунду абонент бодро ответил. Это был уже не первый разговор. Говорили о давно состоявшемся деле. Уточняли детали, сроки. Когда закончили, он положил трубку, опять шумно вздохнул, но уже с удовлетворением и сразу засобирился. Все идёт как должно было быть.

Когда-то давно он командовал противолодочным крейсером. На корабле было проще. Все зависело от него, команды выполнялись четко и в срок. На гражданке было сложнее. Могли проигнорировать или затянуть заказ. Могли вообще не сделать. Допустить этого было никак нельзя. Нужно было обязательно довести до конца дело самому.

Потом он долго брился, разглядывая свое лицо в зеркале. И опять о чем-то думал. Нужно было ещё многое успеть сегодня. В химчистке ждал парадный китель. Китель был совсем новый. Надевать пришлось всего раза два. А вот ботинки нужно купить новые. Самые лучшие и дорогие. Чтобы дочери не было неловко. В старых он проходил почти три сезона. Не годится. Нужны новые. Эти тоже ещё проходили бы, но обязательно нужно, чтобы были новые. Так красивее и правильнее.

В офисе, куда он пришел заключать договор, все украдкой разглядывали его. Всем было любопытно. Такого посетителя у них ещё не было. Они слышали про такие случаи, но чтобы вот так, вживую, им видеть не приходилось. Он заметил это и ему было неловко. И за себя, и за них, и за ситуацию в целом. Поэтому, как только формальности были улажены, он быстро вышел, почти выбежал из офиса.

А на улице бушевала весна. Как будто ей совсем не было дела до людей.

Он стоял на крыльце и курил. Гора упала с плеч. Все было сделано. Что-то по мелочи доделает старый приятель, с которым служили. Подстрахует, если что.

Он стоял и думал, что ему страшно не за себя, а скорее, за дочь. Внучка ничего не поймет. Маленькая ещё. И ещё думал, как долго он сможет тянуть с неприятным разговором. Не хотелось расстраивать. Он вообще всегда скрывал неприятности по службе и в жизни от своих близких.

А неприятностей хватало. Да и смерть частенько навевалась в гости – шутка ли, пятьдесят боевых походов. Но все как-то обходилось.

Он поднялся пешком на свой этаж. Медленно разделся. Прошел на кухню, заварил крепкий чай. Сел на кухне и подумав немного, взял телефон.

– Семеныч, привет... Тут это... такое дело, – поперхнулся, говорить было тяжело.

Кашлянул и продолжил:

– Я тут умру скоро... В последний поход собрался, так сказать... Да, врачи сказали... Да, надежды нет... Чего попросить хотел... Варя ничего не знает. Ты организуй все... Я позаботился. Гроб заказал, на кладбище тоже... Костюм из химчистки забрал. Обувку осталось новую купить. Потом сочтемся, – попытался пошутить.

– Квитанции, договора, телефоны всех друзей в ящике моего стола найдешь. И... при-
смотри за моими...

–

Семеныч молчал. Смерти ждали все. Не знали только, кто будет следующим.

– Не переживай. Все сделаю., – и после паузы, – Когда?

– Завтра ложусь в госпиталь. Все думают, что на парад собираюсь к 9 мая... «Всем
по местам стоять!»... Прощай.. И сообщи там нашим...

– Пока...

Он опять подошёл к окну. Обернувшись, поглядел на новенькую посудомоечную машину
и порадовался ещё раз покупке, и что всё успел сделать вовремя. Подстелил соломку, так ска-
зать.

В окно светило яркое весеннее солнце. Лето было уже близко.

– Да, летом будет удобнее... Правильнее...

Похороны

Священник закончил и отошёл в сторону. Толпа встрепенулась и пришла в движение. Стало шумно. Пришедшие брали горстями землю и бросали её в могилу. Он тоже взял.

Подошёл к краю ямы и кинул на крышку гроба.

«Вот и всё, Санёк...»

– Поехали в город. Помянем вдвоем. Не хочу толпой, – тронул его за плечо Паша, их общий с Сашей приятель. Когда-то работали вместе. Поднимали бизнес. Пути давно разошлись, какие-то отношения ещё сохранились, но связь безвозвратно терялась. Если бы не похороны, неизвестно когда ещё встретились. Сергей молча кивнул, согласившись. Поднял воротник пальто и направился за Павлом к одному из черных Мерседесов с водителем.

Молодой официант услужливо бегал, по всей вероятности, рассчитывая на хорошие чаевые. Есть не хотелось. Сергей глядел в панорамное окно и рассматривал Казанский собор, бесконечную толпу прохожих на Невском проспекте. Паша сам разлил водку до краёв.

– Ну, давай! За Сашу! Хороший был мужик! – не чокаясь, выпил залпом.

Сергей тоже выпил.

Разговор не клеился. Больше пили, чем говорили. Павел спрашивал про дела, личные и на работе. Рассказывал про себя. Была одна тема. Он не хотел её обсуждать. Но где-то в глубине души понимал, что приятель не зря его вытащил в это кафе.

– Ты же знал правду! Почему обманул Сашку?! – наконец, Павел не выдержал.

Сергей сделал вид, что не расслышал.

Павел попытался заглянуть ему в глаза, его раздирало любопытство.

Потом тронул за рукав. Сергей убрал руку.

– Какую правду?

– Ты же знал, что Ольга изменяет ему!

– Допустим...

– И почему ты обманул его?

– Я не обманывал Саню... – Сергей налил себе рюмку до краёв, – Просто не сказал и всё.

Это разные вещи... Но если бы спросил, то, наверное, пришлось бы обмануть...

Он выпил, и налил себе ещё.

– Почему? – допытывался Павел.

– Это их дела, – устало произнес он, – Никому эта правда была не нужна.

Он грустно посмотрел в окно.

– Никому правда не нужна... Весь мир живёт обманом.

– И ты? – возмутился Павел

– И я...

Он показал пальцем на старушку с собакой за окном.

– Видишь ту бабушку, – кивнул в окно, – Она ведь не должна гулять здесь с собакой.

Запрещено. Все знают об этом. Половине народа дела нет, а половина жалеет её.

Оно и правда, где ещё гулять им? Оба старые, до парков далеко.

Вот и молчат. Кто знает, сколько им осталось? Пусть радуются, пока есть возможность.

Он опять выпил:

– Вот и я также подумал. Пусть Саня подольше поживёт в радости. А правда... А правда – она у каждого своя. От правды всегда кто-то один страдает.

Павел откинулся в кресле:

– Ну ты даёшь, старик, а как же мужская дружба?! В этом и заключается смысл – когда ты другу можешь всё высказать в глаза! Ты разве не так поступаешь?! Лично я только так вижу дружбу!

Сергей поднялся с места и начал искать свой бумажник. Когда нашёл, достал крупную купюру и положил её на стол.

– Нет. Извини. Я так не поступаю. Как говорится – «фильтрую базар». С близкими мне, особенно!

Приятель посмотрел на оставленные деньги, но не предпринял попытки остановить Сергея:

– Ты не прав! Это не по- мужски, и не по-дружески!

Он почти ушёл. Но последние слова остановили его. Он задумался на секунду, посмотрел в окно и вдруг обеими руками опёрся на стол.

– Правду хочешь?! Ну, хорошо!

Его глаза прямо смотрели на Павла.

– Большинству людей на кладбище дела не было до Сани. Впрочем, как и священнику. Никто не знает даже, был ли он верующий. Все пришли со своим целями. Хотя, каждый высказался.

Сергей продолжал:

– Хочешь правду? Через месяц никого не останется с родственниками. И тебя тоже не будет. И меня ты вытащил сюда, играя роль хорошего друга. На самом деле тебе всегда интересна была Ольга. И ты хотел узнать побольше о ней. Ты не интересен мне. И я тебе тоже. И скорее всего, это последняя наша встреча. И это правда, о которой мы оба с тобой знаем!

Меня не интересуют твои отношения с женщинами. Мне неинтересен твой бизнес и неинтересна твоя жизнь.

Как и моя – тебе. Ты спросил только из-за того, чтобы полюбопытствовать, насколько ты успешнее меня в этой жизни после нашего расставания...

Он выпрямился.

– Хочешь напоследок ещё одно откровение? Ты был уверен, что я рассчитаюсь за стол. Так было всегда. Хотя, идея посидеть и помянуть была – твоя...

Павел сидел неподвижно.

– Ты хотел правду?! Вот и живи теперь с ней!

Он повернулся и, не прощаясь, пошел к выходу.

Веский аргумент

Она тёрла полотенцем давно вымытую и чистую чашку. Слезы текли по щекам и капали с подбородка прямо в раковину. Вода, текущая из крана, равнодушно и бесследно уносила их в сливное отверстие. Её мысли роились в голове, одна горестнее другой. Она еле сдерживала себя, глотая обиду, чтобы не завывать.

Часы говорили, что время уже позднее, а сына всё не было. На сердце было тяжело от несправедливости. Оно рвалось на куски и сочилось кровью.

Бывший муж объявился неделю назад, спустя пятнадцать лет и шесть месяцев. Его не существовало ровно на три недели меньше возраста их общего сына.

Неизвестно, как он узнал адрес и телефон. Позвонив, долго молчал в трубку. Она, как самка животного, неожиданно напряглась всем своим материнским существом, нутром почуяв опасность, слушая его молчание. Потом, видимо, решившись, он начал неприятный для них обоих разговор. Общими фразами выпрашивал о её жизни. Она отвечала неохотно. Оба понимали, зачем он звонит.

В первом разговоре он так и не решился спросить про сына.

После беседы с ним мир для неё обрушился. Она с тревогой смотрела на телефон и вздрагивала от каждого звонка. Через день он позвонил и сразу сказал, что хочет видеть сына. Её сына.

Они провели вместе целый день. Сын пошёл на встречу. До этого она украдкой ревниво наблюдала за тем, как тщательно он готовился. Сам погладил рубашку, долго начищал обувь. Ему хотелось произвести на папу впечатление. За все годы отсутствия мужа, она ни разу не сказала плохого слова о нем.

У нее был припрятан веский аргумент. Своим материнским чутьем, она знала, что так бывает в жизни, когда вдруг появляются бывшие. Накушавшиеся вольной, беззаботной жизни, набегавшиеся и поистаскавшиеся, как волки после долгой зимы, они неожиданно вспоминают, что где-то есть кровиночка и с жадностью тянутся к родному теплу.

Муж ушёл незаметно из их жизни. Отношения разладились сразу после рождения сына. Его становилось все меньше и меньше в доме. А однажды она нашла на столе письмо. В нем аккуратно было написано, что он так больше жить не может, и что идея с рождением ребенка была её, а он вовсе даже и не собирался. В этой связи, ей предоставлялась полная свобода действий в воспитании народившегося чада. В подтверждении, в полупустом шкафу одиноко и сиротливо остались висеть плечики без одежды.

Свобода действий не подразумевала материальную помощь. А сыну, помимо воспитания, требовались питание, одежда и уход.

Пришлось, стиснув зубы, переехать в деревню. Где долгих четыре года она вынуждена была выживать. Жизнь, из городской девушки, закончившей университет, превратила её в обычную, деревенскую. И уже спустя время, перебарывая отвращение и страх, ради полноценного бульона подрастающему сыну, она рубила головы выращенными собственными руками, курам и кроликам. Что бы деревенские не дразнились и не сплетничали, для него же была придумана легенда про папу военного, где-то героически служившего на далёкой границе.

В двери зашумели ключом. Пришёл сын. Быстро взглянув на себя в зеркало, она ладонью провела по лицу, стирая высохшие слёзы и пошла его встречать.

– Я думал ты спишь, ма! – удивился он.

– Мне было интересно, как у вас всё прошло! Не хотела пропустить.

– Да все хорошо, мама! – сын был возбуждён, – Он просто замечательный отец! Мы о многом с ним поговорили! У нас столько общего!

– Вот, погляди! – он отогнул край рукава пиджака. На запястье сверкнули хромом новенькие часы.

Глаза сына горели и светились счастьем.

– Хорошие.., – оценила она подарок, но изобразить радость не получилось.

– У вас общие только глаза, – грустно закончила она.

Для себя она всё давно решила. Сколько раз представляла, как сделает это. Ей было радостно от того, что не будет долгого и тяжёлого разговора. Не будет лишних вопросов. Она просто даст ему прочитать то письмо.

Конверт с ним она нашла и приготовила заранее, сразу же после первого звонка и вот подходящий момент настал.

Она сунула руку в карман, но неожиданно сын обнял её.

– Спасибо тебе, ма! – он наклонил к ней свою голову.

– За что? – удивилась она.

– Ты никогда не говорила плохого про папу!

Её больно резануло это его «папу». Она внимательно посмотрела на него.

– Он тоже о тебе хорошо говорил! А в следующие выходные зовёт меня с собой на рыбалку с ночёвкой! Ма! Я просто счастлив! – он все не мог остановиться.

– Я знаю, сынок... – обняла его голову – Я рада за тебя!

Она с нежностью посмотрела на вихрастую заросшую макушку, поцеловала её, вдохнув до боли знакомый и родной запах его волос.

Затем решительно отстранив от себя, ещё раз взглянула в улыбающееся лицо сына и тихо сказала, непонятно к кому обращаясь:

– Да, рыбалка такое дело... Рыбалку с отцом пропустить негоже.

Уже перед сном, стоя над унитазом, она смотрела, как весело и шумно вода закружила, а затем проглотила маленькие белые кусочки бумаги...

В унисон

– Я нравлюсь тебе? – она заглянула мне в глаза и весело засмеялась.

– Наверное, – уклончиво ответил я, – Если я ещё с тобой...

– Или пока я с тобой! – и она опять весело засмеялась.

Она почти ровесница мне. Я всегда думал, что хорошо её знаю. Но каждый раз ошибался. У неё была удивительная способность подстраиваться под меня. Или мне так казалось.

Я до сих пор не знаю, красива ли она. Многие, кто видел её, говорили, что, несомненно. Но сам я так и не определился. Может, просто привык.

Она всегда настораживала тем, что слишком хорошо знает меня, может быть даже лучше меня самого. Мои привычки. Мой взрывной характер.

Но её никогда не волновало мое настроение. Я злился из-за этого, а ей было все равно. Она уверенно и независимо шла рядом, будто знала, что я от неё всё равно никуда не денусь.

Вот и сейчас, она спросила, нравится ли она мне, а у меня нет однозначного ответа. Слишком давно её знаю. За долгое время почти сроднился и привык. Привык, что она всегда незримо рядом.

С возрастом пришла мудрость. Меня уже не так просто вывести из себя. Но она всегда что-то от меня требует. Ей постоянно что-то от меня нужно. Я сопротивляюсь, но где-то в душе согласен с ней.

– А ты любишь меня? – я неожиданно и серьезно спрашиваю её.

Она опять засмеялась, и нежно взяла меня за руку:

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же прекрасно знаешь!

– Хочу, чтобы ты сама сказала! – настаиваю я.

– Ты забыл? Я знаю тебя ещё со школы! А может быть и раньше!

– Ну и что? С нами многие учились!

– Я ждала тебя из армии, – она убрала свою руку. Её глаза смотрели прямо на меня.

– А потом я поехала за тобой в чужой город. И ты там женился...

Я отвернул взгляд:

– Ты была против?

– Нет! – мило улыбнулась она, – Она была красивая и хорошая. А ещё она родила тебе красивых деток! Мальчика и девочку! Всё, как ты хотел! Правда, же ты этого хотел?! – она попыталась поймать мой взгляд.

– Правда, – соглашаюсь я.

– Тогда почему я должна была быть против? Тебе же было хорошо?

– Очень, – я киваю головой.

– Вот видишь, ты сам ответил на свой вопрос! Я была рада за тебя!

– Зачем я тебе нужен такой?! – давно думал задать ей этот вопрос и, наконец, случай представился.

Она внимательно посмотрела, и хитро улыбнулась.

– Ты забавный! Мне с тобой интересно! Хотя, ты бываешь невыносим! Ты же знаешь, я не люблю твоих рискованных и глупых затей! Иногда ты делаешь всё наоборот! Ты злишь меня или расстраиваешь, как будто хочешь, чтобы мы расстались навсегда.

– Иии?! – теперь я уже пристально смотрю на неё, – Почему же ты всё-таки не уходишь?

Она выскальзывает из моих рук и, смеясь, опять убегает. Издалека разносится её звонкий смех:

– Дурачок! Ты без меня не сможешь!! Ты без меня совсем пропадешь!

– Как долго ты ещё будешь со мной?! – кричу ей вдогонку. Я не хочу бежать. Я устал от её дурацких игр.

– Я тебе обязательно об этом сообщууу! – все так же звонко, и уже далеко, раздаётся её смех.

– Возможно, у нас с тобой будет долгая и совсем другая история в вечности! – она бежит вокруг меня, красиво запрокинув голову и раскинув руки, словно крылья.

– Почему? – кричу я ей.

– Потому, что мы с тобой и есть вечность! Ты и я! – она почти взлетает.

– Почемууу?! – я задираю голову вверх.

– Потому, что я твоя Жизнь!! Я буду с тобой до самого твоего конца! Хочешь ты этого, или нет!

Я махнул рукой. Я давно смирился. Она опять понеслась вперёд. Или полетела.

С этим абсолютно ничего нельзя поделать. Она такая, моя Жизнь.

– До-го- няяй! – раздаётся высоко впереди, и я нехотя начинаю разбегаться...

За воротами

– Давай так! Посиди здесь, пока уладим все формальности! – апостол Пётр закрыл передо мной двери.

– И вот ещё что, – калитка немного приоткрылась, и оттуда хлынул свет, – Надеюсь, тебе объяснили, что сюда непросто попасть?!

– Ну так, в общих чертах, – промямлил я, – Осознание собственной греховности, хорошие дела...

На скамейку упал договор:

– Изучай пока! Чтобы потом не было претензий! Дверь опять закрылась.

Я огляделся. Высокие стены, высокие ворота. Большая надпись «РАЙ» над ними. И пустота вокруг. Внутри стало зябко. Негнущимися пальцами поднял воротник, но это не помогло. Последний раз такое было, когда в институте защищал диплом.

– Эх, сигарету бы! – тут же чертыхнулся – тело, и даже пальто были бестелесны. Времени не чувствовалось совсем. Как на глубине в Марианской впадине.

Сел на скамейку, взял папку со словом «Инструкция» и начал листать:

«3. Не лицемерность.

Листаю дальше:

5. Не лукавство.

Я задумался. Да. Лицемерил, конечно, и лукавить приходилось.

Читать расхотелось. Чем дальше, тем безнадежнее. Чисто из любопытства перемахнул на последнюю страницу.

Под пунктом Примечание было написано следующее:

...Все вышеуказанные пункты считать недействительными в случае, если существуют души, которые могут заручиться, и признать наличие признаков любви у данного индивидуума.

Я задумался. Огромное количество лиц замелькало передо мной. Школа, армия, институт, девушки, парни, женщины, мужчины, клиенты, родственники, друзья...

Вряд ли они смогут обо мне сказать или вспомнить что-то хорошее... Я вздохнул, и положил папку на скамейку.

Поглядел на безликий простор, и приготовился к вердикту.

Мощные ворота открылись. Вышел Апостол и позвал меня. Я нехотя встал и направился к нему.

Он похлопал по плечу и, непонятно чему радуясь, неожиданно с силой вдруг втолкнул меня вовнутрь Рая. Ничего не понимая, я оглянулся на него. Он, улыбаясь, показал посохом за мою спину.

Я обернулся.

В отблеске света, с огромной радуги, ко мне бежала Бася. Моя верная Бася. Собака породы боксёр.

Единственная, которая со всей своей собачьей верностью, отдала за меня свой голос. Забыв незаслуженные наказания, и моё невнимание к ней в прошлой жизни.

Я стоял и плакал, а она слизывала шершавым языком мои слёзы...

Две женщины

Лиговский проспект. Трамвайная остановка. Морозное зимнее утро.

Взоры ожидающих устремлены в сторону, откуда должен приехать трамвай.

В центре остановки стоит красивая, роскошная дама в норковой шубе. Аромат ее дорогих духов будоражит зимнее утро и всех присутствующих вокруг. Это запах другого мира, где всегда солнце и необыкновенное море. Там дорогие машины, фешенебельные небоскребы и замки из белого камня, среди пальм.

Толпе неловко за нее, и за себя. Такие, как она, обычно не пользуются общественным транспортом.

Чуть в стороне, прижавшись к ограждению, зябко кутается в старое пальтишко алкоголичка. Она моложе той, красивой, но выглядит значительно старше. Стоит позади всех, почти сливаясь с металлическим забором, стараясь быть незаметной.

Трамвай долго нет. Толпа ожидающе всматривается в морозный туман. Вдруг алкоголичка отрывается от ограждения и направляется к женщине в шубе.

Близко подходит к ней, но та краем глаза успевает заметить ее приближение.

– Не дам! И не подходи! Я пьяницам не подаю! – громко и с вызовом, на всю остановку, она обращается к подошедшей алкоголичке, пресекая всякие попытки выклянчить деньги на выпивку. Ее красивое лицо на минуту портит гримаса злости и оскорбленной чести.

Алкоголичка смущается, но не оставляет попытки приблизиться.

Подойдя совсем близко, стесняясь окружения, охрипшим голосом говорит :

– У вас сзади гондон на шубе висит...

Красивая женщина делает неуклюжие попытки заглянуть на свою спину. У нее это плохо получается. Алкоголичка делает движение рукой и демонстрирует снятый презерватив на нитке с рыболовным крючком.

– Это мальчишки – засранцы балуются, – выкидывает в урну детскую забаву.

Красивая женщина краснеет, и вдруг резко берет за руку алкоголичку:

– Девушка! Ради Бога простите, если обидела вас!

– Да нет, что вы! – та смущенно улыбается, прикрывая беззубый рот ладошкой.

– Давайте, я вам денег дам! – хочет загладить свою вину норковая шуба, и не знает как.

– Ой, нет, что вы! Этого совсем не нужно! – отмахивается та.

Подходит трамвай и медленно всасывает в себя людей. Красивая женщина быстро расстегивает сумочку и что-то суетливо ищет там. Когда, наконец, находит, быстро сует в руку алкоголичке какой-то предмет, и заскакивает в вагон.

Трамвай отходит, и две женщины, удаляясь, смотрят друга на друга через заиндевелые окна.

Одинокий силуэт алкоголички постепенно исчезает. На фоне черного пальто, ещё долго белели ее замёрзшие руки, сжимающие флакон дорогих духов.

Гороскоп

Это было обычное утро Мышкина.

Сороковой год Сурка.

Как и всегда, по будням, а впрочем, очень часто и по выходным, он встал в 7.30.

Пока стоял и молча чистил зубы в душе, на плите, также молча, варились два яйца вкрутую.

За стол Мышкин садился всегда, как какой-нибудь князь – в рубашке, по всей вероятности, помятая о тезке из Достоевского. Иногда, правда, оставаясь только в трусах, чтобы не помять и не запачкать завтраком брюки.

Вообще холостяки скупы в своих действиях в быту, как ветераны на войне, и лишних движений не производят. Если посуда не моется, то не моется ровно столько, насколько позволяет глубина раковины. А полезная площадь жилья всегда больше, чем та, что указана в порядке на квартиру.

В приготовлении яиц Мышкин дал бы фору Тосе Кислицыной из «Девчат» с ее картошкой. Но сегодня не было настроения изгаляться, поэтому он молча ел яйца, сваренные в «мешочек».

Посыпал солью, откусывал, потом опять посыпал солью, заедая хлебом с маслом и чаем без сахара. Отсутствие сладкого не было данью следования моде или диете – просто сахар имел свойство всегда заканчиваться у него внезапно. И тут вдруг он подумал, что устал жить один.

Провидение согласилось с ним и тотчас включило радио, стоявшее здесь же, на кухне. Ведущие – девушка и парень, после очередной музыкальной композиции, бурно обсуждали гороскоп на предстоящий день.

...овны... близнецы... львы... наконец дошли до его знака. Мышкин невольно напрягся.

«...Предстоит хороший день. Если не самый лучший в году. Можно значительно улучшить свое финансовое положение..., продвижение по службе..., возможна перемена места жительства в более комфортное... и, наконец, для тех, кто мечтал найти свою половинку-сегодня мечта обязательно сбудется...»

Мышкин даже перестал жевать.

– Повезет же кому-то! – он не сильно доверял гороскопам. Тем более, на музыкальной станции.

Быстро встал, кинул мариновать посуду в раковину, смахнул крошки в руку и вытряхнул их в унитаз, выскочил на улицу.

На работе все было по-прежнему. Как всегда на планерке, все зевали и делали вид, что слушают, хотя большая часть сидела в гаджетах.

– По итогам года лучшим отделом признан отдел Мышкина...

Все обернулись на него.

Начальник продолжил:

– На совете директоров было принято решение – новый филиал в Москве возглавить ему же...

Все опять обернулись на него.

...Повышение по службе, зарплата согласно штатному расписанию, переезд в лучшую недвижимость... – вспомнил он утренний гороскоп и присвистнул, глядя в потолок. Оттуда Провидение улыбнулось и подмигнуло хитрым глазом.

Весь день он ловил себя на мысли, что невольно ищет глазами свою вторую половину.

На работе ее точно не оказалось. Потому что день закончился, а она никаким образом себя не выдала. Хотя, были очень даже ничего себе варианты.

Мышкин решил дать шанс Провидению и поехал домой общественным транспортом. Сначала на метро, потом в троллейбусе. Но Оно упорно скрывало от него законное обещанное счастье.

Мышкин не сдавался и вышел на одну остановку раньше. Когда почти оказался у дома, свернул в ближайший супермаркет.

Там он долго ходил между рядами и набрал гору ненужных ему продуктов. Потом ходил и искал, вопреки логике, самую длинную очередь. И когда уже пробивал чек, молодая красивая девушка вдруг неожиданно тронула его за плечо и кокетливо спросила, не одолжит ли молодой импозантный человек дисконтную карточку...

То ли слово «импозантный» произвело совсем обратный эффект, то ли девушка была слишком хороша как вариант, но он как-то сразу растерялся. Неуклюже засуетился, начал шарить по карманам, оттягивая время. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в висках и мешая сосредоточиться. От волнения улетели все приемлемые в данной ситуации фразы правил обычного пикапа.

– Девушка! Возьмите мою! – рядом стоящий парень протянул ей свою карточку и помог Мышкину закончить этот позор.

– Самый большой дисконт! С бесплатной доставкой на дом!

Девушка заулыбалась парню, взяла карточку и быстро отошла от Мышкина. И пока он, как бабка, совал многочисленные свои продукты в мешки, краем глаза видел, как парень несёт уже ее пакеты на выход.

Он боялся поглядеть вверх. Ему показалось, что Провидение крутит пальцем у виска.

Выйдя из супермаркета, он положил пакеты на скамейку, вынул французскую булку с колбасой, открыл бутылку молока и стал молча есть.

Откуда-то из темноты, видимо на хруст и запах, к нему прибежала маленькая лохматая болонка. Молча села напротив, и черными глазками-бусинками уставилась на него.

– Ну, что, красавчик, проголодался? – Мышкину стало жалко собаку. Он отломал кусочек колбасы и бросил. Песик быстро съел и опять молча уставился на него. Рука опять оторвала кусочек... Потом ещё...

Собачка была красивая, белой масти, с узеньким фиолетовым ошейником. Мышкин огляделся по сторонам в поисках хозяина. На всем вечернем пространстве они были только вдвоем. Два одиночества, как три тополя на Плющихе.

Потом он пошел домой, а рядом семенил, звеня коготочками, по асфальту его новый друг.

Уже подойдя к подъезду, остановился и посмотрел на песика. Тот сиротливо сел почти у ног и также молчаливо, задрав мордочку, с вопросом в глазах, неотрывно смотрел на Мышкина.

Молодой человек постоял минуту и ему стало жалко песика. Он понял, что решение лучше принимать утром, собрал пакеты в одну руку, нагнулся и поднял щенка. И только тут понял, что он это – Она!

– Ссука! – Мышкин поглядел на звездное небо, то ли констатируя факт пола собаки, то ли за злую иронию Провидению. Такого расклада в своей судьбе он точно не ожидал.

Собаке было все равно. Она обрела хозяина, задрожала и немножко ссикнула от избытка чувств, когда он поднимал ее, из чего он собственно и сделал умозаключительные выводы.

После ужина Мышкин для своей половинки соорудил в прихожей лежбище из старого пальто, и они уснули.

Уже почти ближе к ночи Провидение вытолкнуло к его дому хорошенькую девушку с заплаканными глазами. Девушка, подойдя к его подъезду, остановилась, достала белый листок из кармана и прилепила его на доску объявлений.

«Пропала собака. Беленькая болонка с фиолетовым ошейником. Девочка. Откликается на Кристи. Нашедшего ждёт законное вознаграждение!»

Провидение устало зевнуло и поставило галочку уходящему дню.

Любовь с первого взгляда

Её звали Анной, и всю свою жизнь она прожила во Флоренции. В маленьком уютном домике, что выходил своими окнами с белыми наличниками на одну из центральных, мощенных улиц, залитых теплым Средиземным солнцем.

Её квартира находилась на первом этаже. Завесой от ненужных взглядов и вмешательства в личную жизнь, были цветы в больших глиняных горшках, стоявших на подоконнике.

Он появился внезапно. Большой и красивый. С седой головой. Он был благородных кровей, не то, что она. Ему было порядком лет. Больше, чем ей, но в нем ещё чувствовалась сила и мощь.

Он встал в тени напротив ее дома, и просто смотрел, как она поливает цветы. Она заметила его взгляд, но никак не могла подумать, что может хоть чем-то его заинтересовать.

Ей вдруг показалось, что она поняла его. Всего и сразу. Была в его карих глазах печаль одиночества, знакомая Анне. И это сближало их.

А он продолжал разглядывать ее, ничуть не смущаясь. А она подумала, что он не из приезжих, а местный. Но почему-то раньше никогда не встречала его.

Потом он вздохнул, оглядел толпу туристов, и медленно пошёл, не прощаясь, вдоль узенькой улицы, по которой обычно не ходят зеваки.

На следующий день, в это же время, он пришел опять. Также стоял и, молча, разглядывал её.

А она дольше обычного поливала, и подрезала цветы на подоконнике.

Ей вдруг захотелось, чтобы он приходил к ней каждый день.

Он словно почувствовал ее желание, и стал приходить ежедневно. Сначала стоял, потом присаживался поудобнее, и также пристально смотрел на нее своими печальными глазами.

Они смотрели друг на друга, не замечая толпы туристов. Им не нужны были слова. Они как будто боялись, что слова разрушат их зарождающуюся любовь.

Как-то она специально приготовила для него сэндвичи. И когда он появился в очередной раз, достала их, и знаками предложила угоститься. Он внимательно посмотрел на нее, медленно встал со своего места, подошёл и также, молча, взял один из них.

А на завтра у нее случился день рождения. Анна красиво оделась. Накрыла на стол. И стала ждать. Она решила сделать себе подарок. Сегодня она пригласит его к себе. Будут гореть свечи. Она выпьет хорошего тосканского вина. Но он не пришел.

Сначала Анна расстроилась. А потом успокоилась. Только корила себя за минутную слабость.

А через три дня она увидела его из окна, сидящим на крыльце возле ее двери. Она вышла к нему, и он поднял голову. Взглянув ему в глаза, почувствовала, что ему очень плохо.

Анна присела с ним рядом, и обняла его большую лохматую голову. Он шумно выдохнул и уткнулся ей мокрым носом в плечо.

Она гладила его, и её пальцы нащупывали многочисленные шрамы на голове и теле.

И Анна подумала, что это хорошо, что он не умеет говорить.

В доме достаточно и одного говорящего. Потом она сказала ему, что его ждут сэндвичи, и если он не дурак, то больше незачем шляться по всей Флоренции.

И ещё она подумала, что, наверное, у собак тоже случается любовь с первого взгляда...

9 мая

Мне слегка неудобно. Неловко от осознания, что мои два деда живы. И я имею возможность пригласить их в свой большой собственный дом. Но я не знаю, как вести себя. Я никогда с ними не общался. Не хочу их обидеть неосторожным словом.

Они моложе меня. Оба родились в далеком 1911 году. Сейчас им всего по 30 лет.

Эти два молодых человека несоизмеримо старше меня. Им всегда будет только 30.

Они проходят и осматривают дом. Бурно радуются и говорят, что о таком даже не мечтали. Потом рассматривают мой большой черный внедорожник. Оба удивляются, а один из них говорит, что он скорее, больше похож на танк, чем на автомобиль.

Затем они ходят по большому участку и недоуменно спрашивают меня, почему ничего не посажено и столько земли пропадает зря.

Мне неловко. Они оба из далекой деревни. Я заверяю их, что обязательно посажу что-нибудь, что просто земля в этот год отдыхает.

Потом за столом, когда уже выпили, они спрашивают про семью, про детей. Я рассказываю, что дети уже большие, что все выучились в институтах и живут в своих квартирах. Они быстро захмелели и искренне радуются. И я не понимаю, то ли за себя, то ли за внука. То есть за меня.

Я ухаживаю за ними, как никогда прежде ещё ни за кем не ухаживал. Я хочу показать им всю свою благодарность и признательность. Благодаря им, имею возможность сегодня жить. А им и без этого хорошо. Они наливают, чокаются, потом обнимаются и целуются. Потом мы все плачем...

Я наливаю ещё по одной. Они вдруг смолкают. А один дед, который мамин папа, просит принести ещё один стакан. Второй молча соглашается с ним, одобрительно кивнув головой.

Уже через минуту стакан стоит наполовину полный. Дед накрывает его куском черного хлеба. Враз протрезвевшие, молча берут свои стаканы и глядя куда-то в сторону, не чокаясь, даже не выпивают, а скорее забрасывают содержимое в рот.

«За тех, кто не вернулся из боя...»

Поставив стаканы, так оба и стоят долго, не притронувшись к закуске.

Я наверное, понимаю их... Мне за пятьдесят. Я вынужден быть счастливым за них. За их несостоящуюся жизнь. За то, что не хоронил друзей после боя, за то, что нянчил и растил детей. За то, что построил дом. За то, что посеял газон вместо картофеля.

Потом мы долго и молча сидим в тишине. Они молча курят. Один из них спрашивает, помнят ли люди о них.

– Помнят, – я отвечаю, – Парады. Улицы, проспекты, площади называются именами героев той войны. Бессмертный полк...

– Бессмертный полк? – удивляются оба, – Что это?

– Это когда потомки несут ваши фотографии, как будто на параде.

– Здорово, – радостно переглядываются. И настроение у них поднимается.

– Что и ты тоже? – их глаза останавливаются на мне. Я мгновенно трезвею под их пристальным взглядом.

– Конечно! – безбожно вру... Я же не могу им сказать, что они не оставили мне ни одной своей фотографии.

– И что, все прям, так и несут? – им ни как не успокоится.

– Да нет... не все... Есть и такие, которые осуждают...

Их не удивляет это, они многое знают в этой жизни.

День, тем временем, близится к концу. Прежде чем они уйдут, растаяв белыми журавлями в небесной синеве, в последний раз наливаю по полной на «дорожку».

Мы одновременно залпом выпиваем опять. Перед дорогой они закуривают, не спеша и смакуя, втягивая едкий дым.

Наконец, один из них глубоко вздохнув, тушит папиросу пальцами и прощаясь со мной, кладет сильную руку мне на плечо:

– Они злятся потому, что несчастливы... Их просто никогда не убивали...

Цветок

Его первый день на заводе запомнился многим. В цеху собрались слесари, механики, токари. Завод был большой, и народу собралось достаточно.

Он нашел небольшое возвышение. Встал на него, внимательно оглядел всех, заглядывая каждому в глаза. Потом отвернулся, чтобы никто не подумал, что его слова к кому-то обращены лично, и заговорил тихо и спокойно, глядя в окно.

– Зовут меня Леонид Робертович. Я ваш новый главный механик. В бывшем мастер спорта по боксу в полутяжелом весе... – и через небольшую паузу, – Посылание меня на три буквы не приемлю ни в каком виде. Есть вопросы ко мне?

Вопросов ни у кого не было. Высокий рост, крепкая фигура и квадратный подбородок доказывали, что говоривший не врёт и все присутствующие сразу согласились с этим.

– Раз вопросов нет, тогда попрошу всех приступить к работе.

И народ спешно разошелся по своим местам. А он ещё долго стоял и смотрел в окно. Только было слышно, как пыль в луче света медленно опускается на пол в опустевшей мастерской...

Ему было за сорок. Был он немногословен. Своих защищал и никогда не давал в обиду.

Как-то после смены, народ по обыкновению торопился домой. Толпа забила всю остановку. Автобус задерживался. Уставшие люди нервничали. Посреди толпы раздались крики и ругань. Какие-то нетрезвые парни пристали к девушке из бухгалтерии. Начали тащить ее за рукав. Та отчаянно вырывалась, но против хулиганов была бессильна. Народ отстранился и не вмешивался. Парни, обнаглев, увидев равнодушие окружающих, не унимались. Девушка уже почти умоляла их отпустить её.

Вдруг толпа расступилась. Кто-то уверенно подошёл и взял одного парня за плечо:

– Заканчивайте...

– А не пошёл бы ты...

Раздался хруст. Тело рухнуло с высоты всего своего роста, так и не закончив фразы. Через секунду рядом упало тело его товарища.

– Спасибо, Леонид Робертович...

После этого случая вся женская половина заводоуправления заметно оживилась. У них появился защитник. Ему посылались томные взгляды и вздохи. Но он их не замечал.

Профком просил его подежурить на дискотеках. Он не отказывался. На дверях не стоял, но все незримо чувствовали его присутствие. Драк больше не стало.

Как-то зимой он принес в цех горшок с цветком. На его листьях еще лежал снег. Все удивлённо разглядывали обмороженное растение и главного механика. А тот бережно стряхивал с него снежинки:

– Ну вот! Ты давай, держись, браток! Мы тебя сейчас отогреем!

И, оборачиваясь к нам, сообщил:

– Кто-то выкинул. Там много стояло... Возле помойки. Может, ремонт, может, переезжают... Все замёрзли, а этот ещё сражался. Ветки свои тянул. Жалко стало...

Цветок простоял дня два и все равно погиб. Стебель засох и листочки завяли. Он срезал их и потом долго горшок стоял, ошестинившись сухими короткими стручками. Но он продолжал ухаживать за ним, как за живым. Что-то говорил ему, когда поливал. А нам сказал, что верит, что цветок не умер.

Вскоре все про него забыли.

Через месяц, на планерке, кто-то заметил, что в горшке, на месте старого цветка пошли молодые ростки. И все повернулись сначала к окну, а потом в сторону главного механика. И впервые увидели его улыбку.

Потом все узнали, что его жена неизлечимо больна раком...

Нумае

Семён поднял тяжёлую голову. Сил почти не было. После каждого привала, которые были все чаще и чаще, подниматься становилось все тяжелее и тяжелее...

А лес все не кончался. Так продолжалось уже неделю, с тех пор, как он потерялся. Семёна раздражала непроглядность леса. И его невероятная бесконечность.

Он устал от неопределенности. Впереди, и сбоку, и даже сзади были только одни деревья. Иногда кустарники. Целая неделя сплошных рядов деревьев.

В самом начале он забрался на высокое дерево, чтобы осмотреться и увидеть хоть что-то похожее на цивилизацию – строения, опоры электропередач, вышки, но кругом были только верхушки деревьев. От этого сделалось жутко.

Слезая, Семён потерял нож, и как не искал, не смог его найти. Решил идти без него, пока светло, надеясь все-таки выйти к своим. Как он пожалеет потом об этом...

В первый день, под вечер, он решил разжечь огонь. Пришлось вспомнить пионерское детство и все передачи про ОБЖ в лесу, где он много раз видел, как из подручных средств, без спичек и зажигалок, опытные люди добывали огонь. Стерев в кровь ладони, Семён бросил это дело и, свернувшись калачиком, попытался заснуть возле дерева без костра... Спалось плохо. То было холодно, то комары... Каждый раз просыпаясь, он долго всматривался в темень, силясь понять или вспомнить где он находится...

Их поселили в хороших номерах. В совсем новый отель, который недавно построили для любителей экзотического отдыха. Кто устал от жаркого солнца Турции и Египта.

Намечались путешествия по дальним тропам, конные маршруты по перевалам и даже сплавы на плотах.

Заезд собрался хороший. Все одного возраста и, наверное, мировоззрения. Постоянно шутили. Одинокие мужчины флиртовали с девушками. Те в свою очередь, принимали игру.

На территории пансионата находилась большая танцплощадка. С будкой местного диджея. Вечером были танцы, как когда-то в далеком детстве.

Местный диджей с утра до ночи гонял, популярную в то лето песню, то ли румынской, то ли молдавской группы про Нума- Нумае...

За то небольшое время пребывания на турбазе, Семён возненавидел эту песню.

Диджей Саня неукоснительно начинал с нее вечер. И в процессе ведения дискотеки, мог ставить ее ещё неоднократно. Пьяненький народ охотно ее воспринимал, радостно вскидывая руки вверх и подпрыгивая в такт. Сопrotивляться было бессмысленно.

Нумае, так Нумае...

Хотя один раз, в хорошем подпитии, он все же полез драться к Сане и даже порвал ему рубашку.

– А че, хорошая вещь..., веселая, живая! – обиженно защищал песню диджей, придерживая порванный воротник.

На второй день продвигаясь по лесу, он искал ягоды, небольшие лужи или ручьи. Найдя, жадно пил. Как будто пытался напиться на всю жизнь.

На третий день ловил ящериц и лягушек. Садился на поваленное дерево и медленно жевал холодное мокрое мясо. Мозг приказывал жить.

На четвертый день пришла усталость и опустошение. И безнадежность. Это подкосило сильнее. Уже не было сил ругать себя за то, что как глупый мальчишка, отстал от группы и заблудился.

Несуразность была в том, что он такой молодой ещё и сильный, оказался совсем беспомощным в лесу. Обидно было погибнуть в обычном лесу. Не тайга же все-таки...

Потом дни слились в один. Бесконечный, долгий и пустой.

Вечерело. Губы ссохлись. Руки саднило. Семён поглядел на себя. Одежда изодрана. На одном кроссовке не было шнурка. Все штаны в репейнике.

– Как бомж буду, когда найдут... – сам себе усмехнулся. Провел по заросшей щеке рукой:

– Точно бомж... Они тоже не бредутся...

Он прошел ещё целый километр, пока окончательно не обессилел. Не сел, а почти свалился возле дерева. Уставился в ночное уже небо, и лег.

– Вот так и умирают, – невольно пришла мысль. – Насколько ещё меня хватит..?

На душе было спокойно. На ум пришла песенка про Нумае Мае.. Пришла отчётливо, как любимый сингл.

– Совсем тебе хреново, парень – сам себе подумал Семён. Можно было и другое что-то... напоследок, – обращаясь к Проведению.

Но музыка не закончилась. Он отчётливо слышал каждое слово. Потом припев. Приподняв голову, Семён напрягся и прислушался. Песенка шла ровно с края леса. Из последних сил он привстал, и теперь уже отчётливо услышал музыку. Поднялся и пошел на звук. Шел так, как будто не было за спиной недели бестолкового шатания в лесу. Как будто отлучился от веселой компании всего на минуту поговорить по телефону.

А музыка слышалась все громче и громче..., и шаги становились все увереннее.

– Завтра Саню пивом напою... Можно чем и покрепче... За Нумае, – подумал он и вспомнил слова диджея – И, вправду, хорошая вещь... Веселая, жизненная... Жизнеутверждающая, даже бы сказал...

Аут

***Аут (out) – ситуация (или команда судьи), означающая, что игрок нападения выведен из игры.

До матча с «Уингз» оставался всего час.

Стив задёргался. До стадиона нужно было проехать через весь город, загруженный пробками.

Они с друзьями заранее купили билеты. И наконец, сегодня вечером долгожданный финал чемпионата.

– Ты прокатишь меня? – Стив не успел закрыть дверь машины. На него смотрело детское, немного наивное и смешное лицо его отца.

– Слушай, пап, давай не сейчас, а? – он посмотрел с огорчением, с досадой и с плохо скрываемым раздражением, – Я и так опаздываю!

Он никак не мог привыкнуть к новому образу своего отца. Буквально за неделю, вместо взрослого, уравновешенного мужчины, которого он безмерно уважал и которым всегда гордился, из больницы ему вернули беспомощного, глупого и капризного старика, с обезьяньими гримасами и ужимками.

Отец осторожно положил руку на крыло автомобиля. Его губы обиженно, как у ребенка, затряслись. Ещё немного и он бы заплакал.

Стив зло сплюнул, и вышел из машины.

Отец вскинул седой обросшей головой и смешно захихикал, обрадовавшись, подошёл к двери автомобиля.

Усаживая его в пассажирское кресло, Стив суетился. Нога отца никак не поднималась и не хотела укладываться в нишу. Он спешил, ругаясь про себя и злился на папу, на город, на пробки, на эту болезнь, которая сделала его похожим на четырехлетнего ребенка.

Отец послушно и молча сидел, смотря как Стив безнадежно пытался усадить его в кресло. В сердцах, Стив не выдержал и с силой толкнул ногу. Она неудобно вывернулась. Брючина задралась, обнажая белесую и сухую старческую ногу в несуразном носке, выглядывающим из старой поношенной туфли. Отец вскрикнул от боли. Они резко посмотрели друг на друга, их взгляды встретились. На голубых, почти выцветших, глазах отца появились слёзы.

– Ну, хватит хныкать! – рассердился Стив, – Не будь как маленький!

Через минуту он почти впрыгнул в машину. Двигатель взревел, и она резво стартовала с места.

Стив специально быстро вел авто, не снижая скорости на поворотах, краем глаза поглядывая на отца. Но тот молчал, вцепившись в ручку двери, и восторженно смотрел на дорогу, как будто едет по ней впервые.

– Ух! Ты здорово водишь! – вдруг обрадовался он, и с детским восхищением посмотрел на него, – Спасибо, что взял меня покататься!

Стив сделал вид, что не слышит. Украдкой посмотрел на часы и расстроился ещё больше. На начало долгожданного матча он уже не успеет.

Сделав ещё один круг по парку, он, скрипнув тормозами, остановил машину возле дома и высадил отца.

– Спасибо тебе! – отец радостно, по-детски захихикал.

– Ты возьмёшь меня на бейсбол? – он с надеждой посмотрел на него.

– Нет! – в сердцах крикнул Стив ему из окна отъезжающей машины.

Авто стремительно удалялось от дома. Он взглянул в зеркало заднего вида.

Отец стоял на прежнем месте и махал ему рукой. Стив негодуяше покачал головой.

Матч уже давно шёл, когда он, наконец, пробрался к друзьям на свои места. Потом долго не мог настроиться на игру. Суэта не отпускала, и он ещё по привычке нёсся в пространстве и во времени.

Впереди него сидели папа с сыном. Мальчик то и дело смотрел на отца, все время что-то спрашивая. Его отец, крепкий, уверенный мужчина, в красной бейсболке, участливо и очень обстоятельно отвечал на каждый его вопрос, объясняя правила игры.

Неожиданно мальчик прижался к его сильной руке и, посмотрев снизу вверх, громко спросил

– А ты победил бы их всех, если бы играл?

– Обязательно! – рассмеялся тот, – С одним условием!

– С каким? – удивился мальчуган.

– Если ты мне поможешь! – потрепал его по вихрастой голове папа, – И подстрахуешь меня на базе!

Стив вдруг резко поднялся со своего места.

– Куда ты? – перекрикивая шум стадиона, удивились друзья. Он только махнул рукой, пробираясь через ряд на выход.

Отец спал на диване перед телевизором, в ботинках, неудобно подвернув ноги. Стив подошёл, присел и, осторожно развязав шнурки, снял обувь.

Сильными руками поднял отца, как он когда-то поднимал его мальчиком, чтобы перенести на кровать.

– Ты уже приехал? – тот вдруг открыл глаза.

– Да, папа, я приехал.

– Я не ждал тебя так рано... – голубые глаза опять по-детски посмотрел на него.

Он прижал отца к себе и сел на диван вместе с ним.

– Я подумал, что у тебя сегодня нет питчэра на базе и никто не подстрахует!

– Мы будем играть в бейсбол? – отец поднял голову.

– Обязательно, папа! – он отвернул взгляд, чтобы не показывать ему свои слёзы.

– Я не умею, Стив! – грустно сказал отец.

– Ничего! Мы будем опять учиться, папа! Я тебя научу! – он снял с себя бейсбольную кепку и одел её на его седую голову

– Ты умеешь играть в бейсбол? – удивлённо спросил отец.

– Да, папа! Ты совсем забыл, что меня учил играть самый лучший бейсболист в мире...

– Ух ты! – он опять восхищённо посмотрел на сына и радостно засмеялся.

Стив уложил отца и прошел в свою комнату. Перед тем, как лечь спать, он подошёл к большому плакату на стене. Оттуда на него смотрел молодой, уверенный и сильный человек в спортивной форме. Внизу перечислялись его награды в чемпионатах страны.

Через всю площадь плаката, большими буквами было указано имя его отца.

Стив упёрся лбом в бумагу.

– Ты прости меня, папа... Никак не привыкнуть к тебе такому...

Он оттолкнулся от стены. Его палец дотронулся до груди мужчины.

– А, может, и не надо! Мы вместе будем учиться! Только ты учти, папа, теперь я буду строго спрашивать с тебя! Иначе ты так и проваляешься со своим инсультом до самой смерти!

Уходя, он опять обернулся к плакату и на прощание совершенно серьезно сказал ему:

– Готовься, чемпион! Завтра начинаем!

Тот самый день

День не заладился с самого утра. Не «зашёл», как сказала бы дочь.

Сначала мобильный не разбудил привычной мелодией будильника, и она долго лежала с закрытыми глазами, думая, что сегодня выходной.

Потом в спешке принимала душ, суетливо одевалась, долго подбирая колготки, не зная, в чем идти на работу.

Часы неумолимо тикали, и ей казалось, что все происходящее крутится, как в замедленной съёмке. Даже вода в чайнике закипала дольше обычного.

Уже в дверях, выбегая, последний раз оценивающе посмотрела на себя в зеркало и схватилась за бусы. И увидела вдруг совсем другое лицо. На неё смотрела совсем незнакомая взрослая тетка с усталым лицом. А главное, лицо было не просто уставшим. Оно было как на древнеримской маске, с недовольной, злой или даже скорбной гримасой, олицетворяющей трагедию.

Бусы зацепились за край стола, нитка лопнула и перламутровые шарики посыпались на пол, весело и высоко подпрыгивая на паркете.

Встав на четвереньки, она чертыхаясь и тратя драгоценные минуты, собирала их, раскатившиеся по всей прихожей. Уже на лестничной площадке, кинув прозрачный пакет с перламутровыми шариками в сумку, решила, что починит их на работе.

К полудню суета рассеялась. Она позволила себе заварить чашку кофе и стояла возле окна. По Фонтанке плыл маленький кораблик с двумя одинокими пассажирами на борту. Он смешно перевалился через волны и она улыбнулась. Катерок напомнил ей мультфильм про Чунга-чангу. Два взрослых пассажира на нём, завернутые в клетчатые пледы, радостно и где-то даже счастливо, чокались пластиковыми стаканами с шампанским на виду у всех, прямо в разгар рабочего дня.

– Кать, привет! – к ней в кабинет забежала Лилька, давняя подруга и коллега по работе, – Кофе пить без лучшей подруги признак плохо тона!

Катерина улыбнулась и включила кофеварку.

– Лиль! Ты говорила у тебя есть психолог?

Лиля кивнула головой.

– Да! Александр Аркадьевич! Классный мужик! Тут недалеко, канал Грибоедова, сразу за Казанским.

За час до обеда Катя набрала номер.

– Александр Аркадьевич? Мне рекомендовали вас как хорошего психолога. Не хотелось бы затягивать. Я рядом от вас. Пять минут езды на такси.

– У меня только час! – предупредила она психолога, садясь в удобное кресло, – Обеденный перерыв!

Александр Аркадьевич кивнул головой, раскрыл большой блокнот и взял ручку.

– Тогда начнем с главного, или что мучает больше всего! Что привело ко мне?

Катерина задумалась и посмотрела в окно.

– С главного... Даже не знаю, с чего начать... Как-то всё сразу нахлынуло, – она задумалась, – Доктор, наверное, это может показаться странным – меня мучает бокал шампанского среди бела дня...

Психолог внимательно посмотрел на неё.

Катерина сделала вид, что не заметила его взгляда.

– Это как бусы... Каждая жемчужина была ценна по-своему. Их много жемчужинок этих – муж, семья, дети, – она стала перечислять, – учеба, карьера, дом, дача, машина, отдых в Турции или Египте... И каждая на своем месте. Всё строго по порядку. По своему размеру

подобраны, по цвету, даже по весу, наверное... Что-то, менее существенное, по краям, что поважнее – строго по центру... И чем дальше жизнь, тем длиннее, нить...

Катерина чтобы не смотреть в глаза, опять отвернулась к окну.

– А потом, раз... и ниточка порвалась. И всё рассыпалось...

– Так что вас, в итоге, беспокоит? – Александр Аркадьевич почесал лоб ручкой.

– Беспокоит... – она задумалась, – Беспокоит, скорее всего то, что меня давно уже нечего не беспокоит, что должно было бы беспокоить.

Она улыбнулась своей смешной фразе. «Доктор подумает, что я окончательно свихнулась!»

– Меня давно не беспокоит дочь своими нравоучениями, как мне нужно жить. Меня давно не беспокоит свекровь, постоянно вмешивающаяся в нашу жизнь с самого первого дня замужества. Меня перестали заботить постоянные и спонтанные командировки моего мужа! Даже мысли о том, что он совсем не в командировке, тоже перестали меня заботить.

Она замолчала. В кабинете повисла пауза.

– Вы хотите поменять жизнь? – осторожно спросил он, через некоторое время.

– Вероятно, раз сижу в этом кабинете. Я пока не разобралась. Вот увидела, как двое катаются на катерочке и пьют шампанское, и захотелось также!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.